

Мы не имеем возможности и надобности подробнее останавливаться на существовании люллианского учения. Перейдем прямо к доказательству, что вся техника люллианского круговерчения была у нас на Руси ориентирована в основном в сторону риторики. Доказать это нетрудно.

Вот, например, что говорится в конце книги II, после того, как рассмотрены «прилагаемые соборные»: «Во всех вся суть и ничтоже без них, иже явилось во описании и определении их. Тем же егда слово о чем ни есть твориши, прилогай оные феме своей, являючи разные определения их, избирающе которое тебе угодное и слову твоему приличное, подкрепляюще оные иными доводами, наипаче от прилагаемых разборных вземлемыми: в которых убо вся места доводов риторичных, философских и богословских заключаются, яко скоро в последующей им части третьей услышиши.

Вопросы о всяких вещах творимые велми пространяют слово и разум совершенно в мудростях искусный являют, всякую недоумеетность и усумнение разрешаючи и светло всякую вещь предлагаючи».

Из приведенного отрывка ясно видно, что речь идет о произносимом ораторском «слове», которое строится по схеме Люллия.

В конце книги III, в «Увещании кратком о прилагаемых рассмотрительных» точно так же автор старается убедить читателя, что «вся места, которыми риторика слово свое украшает и пространяет и которыми философия и богословия предания своя доводит, в сих заключенная суть».

И дальше (ч. VI, гл. 2) речь идет о том, «како качествами слово упространяти», «како с сего места философского [страдания] к пространению беседы взимати слово» (ч. VI, гл. 5), «о именах како слово пространяти» (ч. VI, гл. 6).

Наконец: «В сей главе [ч. VI, гл. 7] опишу, что есть положение, и о фигурах разных, в них же положение бывает, извещу, та же наставлением покажу, како от положения сего разными фигурами украшати и к разным существам и вещем сия фигуры в подобие предлагати».

Самое любопытное, однако, что те рассуждения о небе, человеке, животных и т. д., которые содержатся в части V и в которых историки естествознания тщетно искали сколько-нибудь серьезных естественно-научных сведений, все построены по методу люллианского круговерчения. Например, о небе говорится в 30 пунктах, что оно есть «плоть», что оно «изливает доброту», больше «всяя плоти стихийная», есть «плоть приснопребывающая», «имеет власть над иными» и т. д. и т. д. — в калейдоскопе проходят перед нами элементы люллианской таблицы. Вся эта «естественно-научная мудрость» буквально высосана из пальца, извлечена из люллианских кругов и расположена по порядку, указываемому «люллиевым искусством». По такой механически полученной канве кое-где расшиты узоры — внесены заимствования из стародавних bestiaries и «физиологов» и т. д.

Ошибка историков естествознания заключается в том, что они видели в «Великом искусстве» своего рода естественно-научную энциклопедию и отсюда делали вывод о невзыскательности московского читателя. В ином свете предстает перед нами «Великое искусство», если мы будем рассматривать его как пособие для оратора, и в первую очередь для проповедника.

Украинский гомилет Иоанникий Голятовский рекомендовал проповедникам читать книги о зверях, птицах, гадах, рыбах, деревьях, камнях, но рекомендовал совсем не потому, что его самого интересовали эти «птихи и звери», и не потому, что он считал нужными знания о них как таковых, — они были ему нужны исключительно «для красоты слога». Точно так же